

ПАСХАЛЬНАЯ СЕМИОТИКА «АЛБАЗИНСКОГО ПИРОГА»

В. А. ПУШКАРЕВ, В. И. ТРУХИН

Аннотация: Исследование посвящено одному из эпизодов русско-маньчжурского конфликта XVII в., когда командир гарнизона Албазинской крепости, длительное время блокированной маньчжурами, послал в лагерь своих врагов пудовый пирог. Этот случай вызвал широкий отклик в публикациях, посвященных истории названного конфликта еще в XVIII в., и продолжает волновать исследователей и в настоящее время. Интерпретация этих событий, сделанная Г. Ф. Миллером, стала канонической, однако внимательное изучение обстоятельств произошедшего приводит к выводу о ее исторической несостоятельности. Детальный анализ событий данного периода позволяет дополнить указанный эпизод деталями, которые в свою очередь дают возможность выявить иные мотивы, подтолкнувшие защитников крепости к совершению этого поступка. Для понимания психологии албазинцев важно учитывать следующие обстоятельства: несмотря на значительные как боевые, так и небоевые потери, вызванные болезнями, гарнизон сохранял боеспособность; к этому моменту уже было принято решение о заключении между конфликтующими сторонами перемирия для ведения мирных переговоров, в связи с чем маньчжуры должны были снять блокаду крепости и отступить. Но самое главное, в своем большинстве албазинские защитники были христианами, а вручение пирога произошло в день празднования светлого Христова Воскресения. Поэтому важнейшим аспектом иной интерпретации этих событий является то, что описанный пирог имел обрядовое значение, и, вручая его своему противнику, албазинцы не могли

© Пушкарёв В. А., Трухин В. И., 2021.

Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 101. С. 34–45.

не вкладывать в этот поступок символический смысл своей сопричастности к божественной силе Воскресения как символа победы жизни над смертью.

Ключевые слова: Албазинская крепость, Приамурье, русско-маньчжурский конфликт XVII века, пирог, пасхальный хлеб, Пасха, Афанасий Бейтон.

После публикации в 1757 г. Герхардом Фридрихом Миллером «Истории о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением»¹ широко стала известна история присоединения приамурских земель к Российскому государству во второй половине XVII в. и ее наиболее драматичный сюжет — Албазинская эпопея. В этой довольно обширной публикации был обнаружен эпизод русско-маньчжурского конфликта, когда Афанасий Бейтон — глава измученного блокадой и практически умирающего гарнизона Албазинской крепости, послал в маньчжурский лагерь «пирог весом в пуд», чтобы показать врагам довольство в съестных припасах. Без упоминания этого яркого эпизода впоследствии не обходилось ни одно более или менее серьезное исследование, посвященное русско-маньчжурскому конфликту². При этом никто из исследователей не пытался его переосмыслить. Высказанная Миллером версия событий, став канонической, неоднократно воспроизводилась авторами исторических исследований и научно-популярных статей. А в одной из недавних публикаций эта история была отнесена к фольклорному преданию, т. е. подвергнут сомнению сам факт подношения пирога противнику³.

Но никаких сомнений быть не должно. Исторические документы подтверждают реальность этого эпизода. Его зафиксировала «Книга в лист содержащая: Оригинальный статейный список бытности на китайской границе великих и полномочных послов Окольного Федора Головина, стольника Ивана Власова и дьяка Семена Корницкого, для постановления с Китайцами в Нерчинске договора о границах — за скрепою помянутого дьяка». Этот важнейший памятник дипломатической истории сохранился в подлиннике⁴. К сожалению, в нем интересующий нас эпизод описан не очень подробно. Он вошел в статейный список как копия отписки, посланной не ранее 28 мая 1687 г. Федором Алексеевичем

¹ Миллер Г. Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Т. VI. С. 3–39, 99–130, 195–227, 291–328.

² См.: Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск, 2019. С. 118; Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск, 1984. С. 154; Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 108; Воробьев П. И. К истории русско-китайских отношений в XVII веке // Труды Института востоковедения АН СССР. М., 1936. Т. XVII. С. 181; Зуев А. С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Новосибирск, 2000. Вып. 2. С. 178; Новиков-Даурский Г. С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. Благовещенск, 1961. С. 106; Слозцов П. А. История Сибири: От Ермака до Екатерины II. М., 2006. С. 139 и др.

³ См.: Фетисова Л. Е. История Дальнего Востока России в региональном повествовательном фольклоре // Вестник ДВО РАН. Владивосток, 2013. № 4 (170). С. 105–113.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 62. Кн. 10.

Головиным царям Иоанну, Петру и царевне Софии. В текст этого документа в свою очередь было включено изложение отписки Ф. Головину находившегося в Нерчинске воеводы Ивана Остафьевича Власова, в которой и были зафиксированы расспросные речи присланного из Албазина служилого человека Юшка Опросимова и торгового человека Васьки Рожицына. Именно они поведали Власову историю о пироге.

Безусловно, тройной пересказ одних и тех же событий привел к сокращению деталей, оставив в сухом остатке только лаконичное изложение самого факта. Приведем этот отрывок полностью: «И марта в 27 день на неделе Святые Пасхи Афонасей же Байтон к китайским полковым воеводам посылал с служилыми людьми пирог пшеничной весом в пуд, и китайские де воеводы пирог приняли с честью. А как де служилые люди в таборы с пирогом ходили, и в то де время прислан ис Китай в китайской обоз стольник. А для какова дела прислан, того те служилые люди доведатца не могли, и они де, Юшко и Васька, не ведают...»⁵.

Следует отметить, что расспросные речи названных албазинцев охватывали достаточно широкий период времени — с начала второй осады Албазина (7 июля 1686 г.) и до последних событий, случившихся в Албазине 8 апреля 1687 г. Конечно, последние события были изложены более подробно, но все равно скорее тезисно. Сделать по ним какие-то выводы достаточно сложно.

Первую попытку как-то осмыслить эти события предпринял Г. Ф. Миллер. Видимо, он так же не располагал более подробным изложением описанного случая. Поэтому, желая его интерпретировать, он использовал предыдущий абзац статейного списка Ф. А. Головина: «Да февраля в 6 день приходил к городу ис китайских таборов прежней изменник Ивашко Артемьев и говорил, чтоб де в китайские таборы к воеводам для переговоров прислали из города служилых людей. И Афонасей де Байтон для переговоров посылал в китайской обоз служилых людей 5 человек. И тех де людей китайские воеводы держали у себя 4 недели за крепкими караулами в розни. Да тот же де изменник Ивашко Артемьев, приходя к городу, говорил же, что китайской хан, жалеючи албазинских осадных сидельцов, прислал в китайские таборы лекарей 2-у человек, и сколько де в Албазинску немочных людей, тому б дать им в китайской обоз имянную роспись. И Афонасей Байтон в том им отказал, а говорил, что в Албазине служилые люди милостию великого бога все здоровы, а немощных никого нет»⁶.

Опираясь на этот текст, Миллер изложил свою версию событий, которая впоследствии стала повсеместно тиражироваться: «В конце ноября месяца осада переменена в блокаду, а блокада маяя 6 дня следующего 1687 году и совсем снята. Тогда Китайцы отступили на 4 версты от города. Осажденные получили свободной пропуск из города и в город. Они могли промыслить себе съестных припасов и других потребностей, посылать нарочных в Нерчинск, и получить оттуда прибавочное войско, не иначе как будто бы обе нации жили в совершенном мире. Которые прежде того всех русских изтребить грозились, те теперь поступили столь учтиво, что обещалися лекарей прислать в город для излечения больных,

⁵ Русско-китайские отношения в XVII веке.: Материалы и документы: в 2 т. Т. 2: 1686–1691 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников; ред. С. Л. Тихвинский. М., 1972. С. 149–150.

⁶ Там же. С. 149.

только бы число оных им объявили. На сие Бейтон отвечал: что нужды нет ему теперь ни в какой помощи; ибо все находятся в наилучшем здоровья состоянии. Однако мая 6 дня осталось при нем не более как 66 человек; прочие все умерли цынготною болезнью. А чтоб показать довольство в съестных припасах, то приказал Бейтон испечь пирог весом в пуд, и послал в подарок главному над Китайским войском командиру, которой оной и принял с благодарением»⁷.

Надо признать эту версию несостоятельной по следующим причинам. Во-первых, она стала возможной только потому, что Г. Ф. Миллер изъясил из текста практически все реальные даты. Поэтому у него получилось, что все описанное произошло, когда блокада Албазинской крепости уже была снята. Однако из оригинала документа следует, что пирог был испечен к 27 марта, а блокада была снята только 5 мая.

Во-вторых, предложение маньчжур о направлении в крепость врачей поступило еще раньше — 6 февраля, то есть почти за два месяца до случая с пирогом. Поэтому причинно-следственная связь здесь не просматривается.

В-третьих, маньчжуры через русских перебежчиков, которые регулярно приходили к Албазинской крепости и даже бывали внутри, располагали достаточно точными сведениями о состоянии здоровья ее защитников. Об этом рассказал И. О. Власову Игнатий Милованов, побывавший в крепости: «А как де он, Игнатей, у китайских людей был за караулом, и в то де время китайские воеводы, а с ними человек с 30, ходили в Албазин, и город и городские крепости смотрели. А с ведома ль Афонася Байтона китайские воеводы в Албазин ходили или самовольством, и с которых чисел в Албазин китайские люди ходить стали, и каким обычаем, того он, Игнатей, не ведает, потому что ему, Игнатью, в Албазине Афонася Байтона и служилых людей при тех изменниках спросить было невозможно. А сказывали им, Игнатью, изменники Ивашко Артемьев, Афонька Байгашин, что де ходят они в Албазин с торгом, продают вино горячее и рыбу»⁸. Поэтому скрывать Бейтону что-то было бессмысленно. Конечно, он не мог не опасаться маньчжурских уловок. Вполне реальной была угроза под видом врачей пропустить в крепость группу весьма здоровых и тренированных воинов, способных захватить контроль над крепостью. Тем более его об этом предупреждали через селенгинских казаков Ивашку Шарыпова и Пашку Бушкова посланные в Китай подьячие Посольского приказа Никифор Венюков и Иван Фаворов. Будучи в Албазинской крепости, казаки на словах передали Бейтону, «чтоб они, осадные сидельцы, в Албазине жили неоплошно, себя и город опасали, чтоб китайские люди, исплоша, какова дурна над городом и над ними не учинили»⁹.

Обстановка в крепости действительно была тяжелой. До начала осады в июле 1686 г. здесь находилось 826 служилых, промышленных людей и пашенных крестьян¹⁰. В это число не входили женщины и дети. Вторая осада Албазины началась 7 июля 1686 г. Все попытки маньчжуров взять крепость приступом провалились, и 30 ноября осада была переведена в блокаду. К этому времени

⁷ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 224–225.

⁸ Русско-китайские отношения в XVII веке... Т. 2. С. 146.

⁹ Там же. С. 118.

¹⁰ См.: Там же. С. 84.

боевые потери среди албазинцев составили более ста человек¹¹. Но наиболее ощутимый урон гарнизону нанесли болезни. Высокая смертность от болезней была обусловлена тем, что людям катастрофически не хватало чистой питьевой воды. В крепости был колодец, но его дебет в связи с наступлением морозов снизился настолько, что албазинцы были вынуждены опустить в него лестницу и вычерпывать поступающую воду ковшом¹². Положение блокадников также усугублялось нехваткой дров для отопления и приготовления пищи. Несмотря на то что в крепости был большой запас зерна, ее защитники испытывали серьезные проблемы с качеством питания. В большинстве своем они были вынуждены питаться «бурдуком»¹³, в результате чего у них развивалась «цинготная болезнь», приводившая к смерти. В декабре 1686 г. Албазинский гарнизон сократился до 150 человек¹⁴. 20 апреля 1687 г. А. Бейтон указал в своей отписке: «...по се время всякого чину людей старых и малых, кои в караулах осадных и новоприезжих числом шестьдесят шесть человек»¹⁵. Возможно, все указанные цифры численности гарнизона не учитывали тяжелобольных, поскольку, по словам служилого человека Юшка Опросимова и торгового человека Васьки Рожицына, 8 апреля 1687 г. в Албазине насчитывалось 115 человек «всяких чинов людей», а «баб и робят» 55 человек¹⁶, при том условии, что гарнизон увеличился только на 10 человек.

По маньчжурским данным, обстановка в крепости была еще хуже. В декабре 1686 г. они сообщали своему императору: «13-го числа того же месяца вновь командировали в Албазин русского старика Ифан (Иван), присоединив к нему еще двух человек с целью окончательного выяснения количества русских, находящихся в Албазине. Ифан, побывав в Албазине, по возвращении рассказал следующее: войдя в город и ознакомившись с положением, он узнал, что воевода Албазина Байдон тяжело болен; затем, мужчин и женщин всего 20 человек с небольшим и то больных; людей здоровых можно насчитать два — три человека. Трупы умерших к тому же не похоронены и валяются в разных местах»¹⁷. Возможно, маньчжурам не удалось реально оценить состояние здоровья защитников крепости, но их положение действительно было критическим.

Даже после 30 ноября 1686 г., когда боевые действия прекратились, полностью выходить из крепости албазинцы не могли. И даже значительно позже, в апреле 1687 г., А. Бейтон уведомлял И. О. Власова: «Живем дни окупаем, и из города никуды выехать казаки не смеют, ни на рыбные ловли, ни в лес по дрова, ни нам какая потреба припасти, потому что большая рать престала, а малая рать наипаче хвалитца кровопролитие учинить»¹⁸.

¹¹ См.: Русско-китайские отношения в XVII веке... Т. 2. С. 149.

¹² См.: Сухих В. В. Хозяйственное освоение Приамурья русскими в XVII веке (По материалам раскопок Албазинской крепости): дис. ... канд. ист. наук: в 2 т. Новосибирск, 1979. Т. 1. С. 85.

¹³ Бурдук — традиционное блюдо русского населения Сибири: подсоленный кисель из кислого ржаного или ржано-пшеничного теста.

¹⁴ См.: Русско-китайские отношения в XVII веке... Т. 2. С. 124.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1142. Д. 39. Л. 29.

¹⁶ См.: Русско-китайские отношения в XVII веке... Т. 2. С. 149.

¹⁷ Воробьев П. И. Указ. соч. С. 178.

¹⁸ РГАДА. Ф. 1142. Д. 39. Л. 27.

Несмотря на тяжелое положение, Афанасий Бейтон предпринимал все возможные меры к усилению обороноспособности крепости. Иногда это делалось даже за счет ухудшения и так не простых условий жизни гарнизона. Например, совершенно не замеченным исследователями истории русско-маньчжурского конфликта остался случай, когда Бейтон направлял маньчжурским воеводам двух коров. Это произошло в декабре 1686 г. в самые тяжелые дни крепости. Тогда впервые с начала заключения перемирия маньчжуры разрешили прислать помощь Албазинскому гарнизону из Нерчинска. Всё, что смог Нерчинск послать Албазину, — это 30 человек для пополнения гарнизона и 20 «скотин рогатых на прокормление». Скот маньчжуры пропустили, а пополнить гарнизон разрешили только на 9 человек. И тогда «Афонасей Байтон посылал к китайским воеводам 2 скотины для того, чтоб они служилых людей, которые присланы со скотом, в Албазин пропустили. И китайские де воеводы скота у них не приняли. А говорить де им, Тишке с товарищи, приказал воеводам он, Афонасей, что естли бы де они в город служилых людей всех пропустили, и он бы де и весь скот им, китайским воеводам, отдать велел»¹⁹. Видимо, Бейтон предполагал, что такое предложение могло маньчжуров заинтересовать, поскольку и в лагере осаждавших обстановка также была непростой. По словам перебежчика, допрошенного А. Бейтоном, к 6 мая 1687 г. в маньчжурском лагере «помирают многие люди голодною смертию, а их, де, всякаго чину людей кое убитых, кое своей смертию пропадают, и того де будет больши полтретьи тысячи»^{20, 21}.

В соответствии с условиями перемирия, маньчжуры обещали отступить от Албазина, однако мороз, сковавший на Амуре их суда, не позволил им этого сделать: «И в то время они, полковые воеводы, о отступлении от Албазина отговорились за зимним временем, а хотели отступить на весне со всеми своими войски»²². Поэтому блокада крепости продолжалась. К сожалению, никаких документов, как-либо характеризующих морально-психологическое состояние албазинцев, не сохранилось. Но несложно предположить, что они чувствовали, когда в течение нескольких месяцев вокруг них каждый день умирали близкие им по родству и вере люди. Но, получив известие о неизбежном отступлении маньчжуров весной, они не могли не увидеть в нем божественного провидения.

По-видимому, такие же чувства испытали казаки при защите Кумарского острога в 1655 г. Тогда после многочисленных попыток взять крепость огромное маньчжурское войско неожиданно сняло осаду и ушло. Казаки приписали их отступление «явлению» служилым людям «от иконы Всемилоствиваго Спаса и от иконы Пречистыя владычицы богородицы и приснодевы Марии и от всех святых». По сведениям, полученным из отписки командовавшего отрядом Онуфрия Степанова, во время этого видения на осаждавших маньчжуров напал пани-

¹⁹ Русско-китайские отношения в XVII веке... Т. 2. С. 146.

²⁰ Более 2500 человек.

²¹ РГАДА. Ф. 1142. Д. 39. Л. 30.

²² Русско-китайские отношения в XVII веке... Т. 2. С. 133.

ческий страх: «И видя к себе те богдойские люди божие посещение, и нападе на них ужас и трепет»²³.

Поэтому день светлого Христова Воскресения защитники Албазинской крепости не могли не праздновать особенно. Пасха в 1687 г. праздновалась 27 марта. Именно в этот день албазинцы передали маньчжурам «пирог пшеничный весом в пуд».

Прежде чем объяснить смысл этого жеста, следует выяснить, что русские люди XVII в. называли «пирогом». И. И. Срезневский, ссылаясь на древнерусские церковные тексты, определяет пирог как хлеб ситный²⁴, т. е. хлеб, изготавливаемый из муки, просеянной через сито²⁵. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отражено привычное нам значение — пирог с начинкой, но вместе с тем отмечено, что пирогом на Руси также называли сдобный хлеб²⁶.

Историк русской кухни В. В. Похлёбкин отмечает, что главной особенностью русских пирогов было применение кислого теста. При этом они могли быть разного размера, иметь произвольную форму и содержать любую начинку²⁷. В зависимости от начинки пироги получали специальные названия — рыбник, курник, ягодник и т. д. Но начинки могло и вовсе не быть. В Твери такие пироги назывались «с нетом», в Новгороде и Ярославле — «с амином», а в Сибири — «пироги с таким». Существовало много видов пирогов, которые наряду с другими хлебными изделиями имели обрядовое значение²⁸. Так, например, в псковских говорах «пирог» употребляется как синоним к слову «каравай» и слову «пасха» в значении «пасхальный хлеб», «сдобный кулич»²⁹.

В Албазинском остроге находились выходцы из разных российских регионов, а Афанасий Бейтон и вовсе был прусским офицером, некогда перешедшим на русскую службу и принявшим православие. Поэтому трудно понять, что именно в албазинской лексике называлось пирогом. Известно, что он был испечен из пшеничной муки, про начинку же в источнике ничего не сказано. По всей видимости, ее вовсе не было. Также можно предположить, что поскольку пирог весил целый пуд (16 кг), то выпекали его в высокой форме. Но, несомненно, главная деталь в этой истории — дата выпечки. Согласно отписке, пирог был готов к 27 марта, дню светлого Христова Воскресения. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что «пирогом» в тексте документа назван пасхальный хлеб.

Пасхальный хлеб — важный атрибут главного христианского праздника в культуре всех славянских народов. Восточные славяне выпекали его из сдобного и кислого теста. Украинцы и белорусы называли пасхальный хлеб «паской», а в

²³ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (СПБФ РАН). Ф. 21. Оп. 4. Кн. 31. № 75. Л. 136–142. Копия XVIII в.

²⁴ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II (Л–П). СПб., 1902. С. 933.

²⁵ В старину такой хлеб имел лучшие вкусовые качества по сравнению с решетным хлебом, мука для которого сеялась через решето.

²⁶ См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15 / ред. Г. П. Смолицкая. М., 1989. С. 49.

²⁷ См.: Похлёбкин В. В. Кулинарный словарь. М., 2015. С. 288–289.

²⁸ См.: Гура А. В. Пирог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М., 2009. Т. 4. С. 47.

²⁹ Лутовинова И. С. Слово о пище русской. СПб., 2005. С. 122.

русском языке за ним закрепилось название «кулич» (*греч.* κουλλίχι(ον) — «хлеб круглой формы»). Он, как правило, имел высокую цилиндрическую форму, сверху на нем помещался вылепленный из теста крест, реже — другие украшения. Такой хлеб готовили особым образом, обычно из отборной пшеничной муки тонкого помола, затем его освящали в церкви, делили между домочадцами и начинали с него праздничную трапезу³⁰.

Народный обычай печь пасхальные куличи напрямую связан с церковным чином возвышения артоса. Артос (*греч.* ἄρτος — хлеб) — это квасной хлеб в виде большой просфоры с изображением креста на верху, символизирующий Спасителя, сказавшего о Себе: «Я есмь хлеб жизни» (Ин 6. 48). История артоса восходит к апостольским временам, когда по вознесении Христа Его ученики продолжали собираться на совместные трапезы и оставлять для Него часть хлеба. Таким образом апостолы обозначали незримое присутствие с ними Сына Божия. Начиная с XII в. эта традиция фиксируется в церковных уставах (типиконах) применительно к монастырским трапезам на период Светлой седмицы. Со временем артос стал важным элементом пасхального богослужения. По завершении литургии его освящают и оставляют на аналое в открытых Царских вратах, где он пребывает всю Светлую седмицу. На время ежедневных богослужений артос переносят к иконе Спасителя, а на крестных ходах обносят вокруг храма вместе с другими святынями. В Светлую субботу после литургии артос раздробляется и раздаётся молящимся³¹.

Достоверно известно, что весной 1687 г. священника в Албазинском остроге не было. Возможно, он погиб значительно раньше, и из-за этого погибшие в крепости албаинцы не были похоронены по православному обычаю. Как писал в своей отписке А. Бейтон, «...и те умершие люди похоронены в городе в девяти зимовьях поверх земли без отпеву до твоего разсмотрения. А н(ы)не я с казаками живу всяким смрадом усыщени, а вовсе похоронить без твоей м(и)лости и приказу дерзнути не хошу, чтоб, г(о)с(у)д(а)рь, в погрешение не быть. А хотя, г(о)с(у)д(а)рь, н(ы)не бл(а)говолит похоронить, да не кем подумать и невозможно никакими мерами»³². Возможно, его вообще не было с лета 1685 г., момента возвращения албаинцев на острожное городище. Дело в том, что настоятель албаинской Воскресенской острожной церкви белый поп Федор Иванов и строитель албаинской Спасской пустыни черный поп Гермоген после первой осады покинули крепость и более сюда не возвращались. Еще один албаинский поп, Максим Леонтьев, был захвачен в плен маньчжурами еще в 1683 г. Поэтому в блокадной крепости Божественную литургию служить было некому.

Но албаинцы не могли не праздновать Пасху. Тем более что это был еще и престольный праздник острога. В сложившейся ситуации единственным зримым символом Христова Воскресения для них оставался пасхальный кулич —

³⁰ См.: Агапкина Т. А. Прагматика и функции пасхального хлеба (региональный аспект) // Живая старина. 2014. № 2. С. 2.

³¹ См.: Желтов М. С., Рубан Ю. И. Артос // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. III. С. 471–472.

³² РГАДА. Ф. 1142. Д. 39. Л. 28.

«домашний артос». Его, вероятно, испекли находившиеся в остроге женщины. Возможно, он даже был освящен мирским чином. Святую воду для этого обряда мог сохранить церковный староста Василий Ерофеев, на попечении которого оставались иконы, библиотека и иная служебная утварь разрушенной албазинской Воскресенской церкви.

Итак, в канун светлого Христова Воскресения пудовый пасхальный пирог был испечен и... подарен маньчжурам. Попробуем объяснить смысл этого поступка. Как уже говорилось выше, версия Миллера, что таким образом Бейтон намеревался «показать довольство в съестных припасах»³³, не выдерживает исторической критики. Маньчжуры имели достаточно ясные представления о положении дел в блокаде Албазина, поэтому смутить их пудовым пирогом вряд ли было возможно.

Военная хитрость если и была проявлена, то имела обратную цель — не дезинформировать противника, а самим добыть информацию о положении дел во вражеском лагере. Отправку пирога маньчжурским воеводам Афанасий Бейтон вполне мог использовать как повод для сбора разведывательных данных. Это могла быть актуальная численность маньчжурских войск, их морально-психологическое состояние, конкретная дата отступления или что-то иное. Неслучайно же источник сообщает, что во время пребывания во вражеском лагере казаки, вручившие пирог маньчжурам, пытались выяснить цель приезда из «Китай в китайской обоз» стольника³⁴.

И все-таки главным мотивом пасхального подарка было искреннее желание албазинцев быть сопричастными главному христианскому празднику и свидетельствовать о победе Христа над смертью. Пребывая на дальних задворках Российской державы в окружении дикой природы и враждебных народов, они тем не менее оставались частью большой христианской цивилизации, восточным форпостом которой была их крепость. И хотя военная мощь Албазина стремительно таяла, его защитники всё еще сохраняли силу духа, которая зиждилась на православной вере. Для изнуренных блокадой людей, утешением могли быть слова Христа: «старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную... Я хлеб живой, шедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек» (Ин 20. 27, 51). 27 марта празднуя светлое Христово Воскресение — победу Сына Божия над смертью, они, несомненно, чувствовали себя сопричастными этой победе, достигнутой ценой жизни большей части гарнизона Албазинской крепости и их семей. Сведения о неизбежном отступлении маньчжуров от Албазина были еще одним зримым символом их победы над противником. Поэтому пасхальный пирог, отправленный албазинцами во вражеский лагерь, следует воспринимать как выражение их духовной победы над маньчжурами.

³³ Миллер Г. Ф. Указ. соч. С. 225.

³⁴ Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы: в 2 т. Т. 2: 1686–1691. С. 150.

Список литературы

- Агапкина Т. А. Прагматика и функции пасхального хлеба (региональный аспект) // Живая старина. 2014. № 2. С. 2.
- Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А. П. Забияко, А. Н. Черкасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 348 с.
- Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.
- Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: [б. и.], 1999. 335 с.
- Воробьев П. И. К истории русско-китайских отношений в XVII веке // Труды Института востоковедения АН СССР. М., 1936. Т. XVII. С. 167–183.
- Гура А. В. Пирог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого; Институт славяноведения РАН. М.: Межд. отношения, 2009. Т. 4. С. 47–52.
- Желтов М. С., Рубан Ю. И. Артос // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. III. С. 470–472.
- Зуев А. С. Забытый герой: штрихи к биографии Афанасия Ивановича Бейтона // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. С. 173–183.
- Лутовинова И. С. Слово о пище русской. СПб.: Авалон, 2005. 288 с.
- Миллер Г. Ф. История о странах, при реке Амуре лежащих, когда оные состояли под российским владением // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Т. VI. С. 3–39, 99–130, 195–227, 291–328.
- Новиков-Даурский Г. С. Историко-археологические очерки. Статьи. Воспоминания. Благовещенск, 1961. 200 с.
- Похлёбкин В. В. Кулинарный словарь. М., 2015. 456 с.
- Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы: в 2 т. Т. 2: 1686–1691 / сост. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников; ред. С. Л. Тихвинский; АН СССР, Ин-т Дальнего Востока. М.: Наука, 1972. 835 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15 / ред. Г. П. Смолицкая. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Словцов П. А. История Сибири: От Ермака до Екатерины II. М.: Вече, 2006. 512 с.
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. II (Л–П). СПб., 1902. 1802 с.
- Сухих В. В. Хозяйственное освоение Приамурья русскими в XVII веке (По материалам раскопок Албазинской крепости): дис. ... канд. ист. наук: в 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1979. 166 с.
- Фетисова Л. Е. История Дальнего Востока России в региональном повествовательном фольклоре // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4 (170). С. 105–113.

Vestnik Pravoslavnogo Sviato-
Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta.
Seriia II: Istorii. Istoriiia Russkoi
Pravoslavnoi Tserkvi.
2021. Vol. 101. P. 34–45
DOI: 10.15382/sturII2021101.34-45

Vladimir Pushkarev,
Candidate of Sciences in History,
Associate Professor,
Department of Philosophy,
National History and Foreign Languages,
Amur State Medical Academy
101 Ul. Gor'kogo, Blagoveshchensk
675001, Russian Federation
amurhistory@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3098-9505

Vladimir Trukhin,
Consultant at the Scientific Museum
Amur State University
21 Ignatievskoe shosse, Blagoveshchensk
675027, Russian Federation
tru_vi@mail.ru
ORCID 0000-0001-6831-1858

THE EASTER SEMIOTICS OF THE “ALBAZIN PIE”

V. PUSHKAREV, V. TRUKHIN

Abstract: This study is devoted to one of the episodes of the Russian-Manchu conflict of the 17th century, when the head of the garrison of the Albazin fortress, which had been blocked by the Manchus for a long time, sent a pie to the camp of his enemies. This case caused a wide response in publications devoted to the history of this conflict in the 18th century, and continues to excite researchers today. The interpretation of these events, made by G.F. Miller, became canonical, but a careful study of the circumstances of the incident leads to the conclusion that it is historically inconsistent. A detailed analysis of the events of this period makes it possible to supplement this episode with details, which in turn make it possible to identify other motives that prompted the defenders of the fortress to commit this act. To understand the psychology of the Albazinians, it is important to take into account the following circumstances: despite significant combat and non-combat losses caused by disease, the garrison retained its combat capability; by this time, a decision had already been made to conclude a truce between the conflicting parties for peace negotiations, in connection with which the Manchus had to lift the blockade of the fortress and retreat. But most importantly, most of the Albazin defenders were Christians, and the presentation of the cake took place on the day of the celebration of the Resurrection of Christ. Therefore, the most important aspect of a different interpretation of these events is that this pie had a ritual significance, and when presenting the Easter pie to their opponent, the Albazinians could not help but invest in this act the symbolic meaning of their involvement in the divine power of the Resurrection as a symbol of the victory of life over death.

Keywords: Albazin fortress, Amur region, Russian-Manchu conflict of the 17th century, pie, Easter bread, Easter, Athanasius Beyton.

References

- Agapkina T. (2014) “Pragmatika i funktsii paskhal'nogo khleba (regional'nyi aspekt)” [Pragmatics and functions of Easter bread (regional aspect)]. *Zhivaia starina*, 2014, no 2, pp. 2–5 (in Russian).
- Aleksandrov V. (1984) *Rossia na dal'nevostochnykh rubezhakh (vtoraiia polovina XVII v.)* [Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century)]. Khabarovsk (in Russian).
- Artem'ev A. (1999) *Goroda i ostrogi Zabaikal'ia i Priamur'ia vo vtoroi polovine XVII–XVIII vv.* [Cities and fortresses of Transbaikalia and Amur Region in the second half of the XVII–XVIII centuries]. Vladivostok (in Russian).
- Demidova N., Miasnikov V., Tikhvinskiy S. (eds) (1972) *Russko-kitaiskie otnosheniia v 17 veke: materialy i dokumenty* [Russian-Chinese relations in the 17th century: materials and documents]. Moscow, vol. 2 (in Russian).
- Fetisova L. (2013) “Istoriia Dal'nego Vostoka Rossii v regional'nom povestvovatel'nom fol'klore” [History of the Russian Far East in the regional narrative folklore]. *Vestnik DVO RAN*, 2013, no 4 (170), pp. 105–113 (in Russian).
- Gura A. (2009) “Pirog” [Pie], in *Slavianskie drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary]. Moscow, vol. 4, pp. 47–52 (in Russian).
- Lutovinova I. (2005) *Slovo o pishche russkoi* [A word about Russian food]. St. Petersburg (in Russian).
- Novikov-Daurskii G. (1961) *Istoriko-arkheologicheskie ocherki. Stat'i. Vospominaniia* [Historical and archaeological sketches. Articles. Memories.]. Blagoveshensk (in Russian).
- Pokhliobkin V. (2015) *Kulinarnyi slovar'* [Culinary dictionary]. Moscow (in Russian).
- Smolitskaia G. (ed.) (1989) *Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th — 17th centuries]. Moscow, vol. 15 (in Russian).
- Slovtsov P. (2006) *Istoriia Sibiri. Ot Ermaka do Ekateriny II* [History of Siberia. From Ermak to Catherine II]. Moscow (in Russian).
- Vorob'iov P. (1936) “K istorii russko-kitaiskikh otnoshenii v XVII veke” [Towards the history of Russian-Chinese relations in the 17th century], in *Trudy instituta vostokovedeniia AN SSSR* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences]. Moscow, vol. XVII, pp. 167–183 (in Russian).
- Zabiiako A., Cherkasov A. (eds) (2019) *Albazinskii Ostrog: Istoriia, arkheologiiia, antropologiiia narodov Priamur'ia* [Albazin fortress. History, archaeology, anthropology of the Amur peoples]. Novosibirsk (in Russian).
- Zheltoy M., Ruban Iu. (2001) “Artos”, in *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopaedia]. Moscow, vol. 3, pp. 470–472 (in Russian).
- Zuev A. (2000) “Zabytyi geroi: shtrikhi k biografii Afanasiia Ivanovicha Beitona” [Forgotten hero: notes on the biography of Afanasy Ivanovich Beiton], in *Nemetskii etnos v Sibiri: Al'manah germanitarnykh issledovani* [German ethnos in Siberia: Almanac of studies in the humanities]. Novosibirsk, issue 2, pp. 173–183 (in Russian).